

История философии.

17. Греческий и римский скептицизм.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Итак, сегодня мы хотим рассмотреть скептицизм эллинистического периода. Имейте в виду, что это третье философское движение этого периода, о котором мы говорили, двумя другими были эпикурейцы и стоики. И следует ожидать, что оно будет повторяться и играть очень важную роль в эпоху Возрождения.

Фактически, в этом эпистемологическом вакууме, созданном протестантской Реформацией и развитием современной науки, то есть потерей авторитета церкви в вопросах, не связанных с религией, Секст Эмпирик и скептицизм эллинистов играли очень, очень важную роль. Таким образом, в эпоху Возрождения, философской отправной точке, всегда стоял вопрос о том, как преодолеть скептицизм. Как избежать скептицизма, вы, возможно, помните это из своего знакомства с Декартом.

Суть в том, что Секст Эмпирик излагает пирронизм, который был и остается одним из наших главных источников знаний об этом периоде скептицизма. Работа Секста Эмпирика была впервые опубликована во Франции в 1560 году. И, конечно же, 1560 год приходится как раз на середину этого периода, после Реформации, когда ситуация начала меняться.

Поэтому ожидайте услышать больше о скептицизме, когда мы дойдем до таких людей, как Паскаль, Декарт и главный французский философ-скептик того времени, человек по имени Монтень, и так далее. Чтобы подчеркнуть историческую важность движения, на котором мы сегодня сосредоточимся, если эпикурейцы получили более ранний импульс благодаря киренаикам, а стоики — благодаря киникам, то, я думаю, можно сказать, что скептицизм уходит корнями в сочетание циничного отношения к авторитету институтов и традиций, а также в релятивизм и скептицизм некоторых софистов.

Иными словами, скептицизм не был чем-то совершенно новым. На самом деле, исторически скептицизм, кажется, возникает на тех исторических рубежах, когда какой-либо систематический подход или метод в философии начинает рушиться. Так, скептицизм появляется в конце классической греческой эпохи, в конце средневековья, в конце эпохи Просвещения — и тому подобное.

Как правило, развитие эллинистического скептицизма восходит к греку по имени Пиррон, уроженцу Элиды, который задал три вопроса. Первый: какова природа вещей? Именно с этого вопроса началась греческая философия: какова основная природа всего сущего, основная субстанция? Какова природа вещей?

И на это он ответил, что это неизвестно, и неизвестно в силу несостоятельности всех предполагаемых человеческих знаний.

говорили Платон и другие до и после него, чувства не дают ничего, кроме изменчивых мнений. А рассуждения, как нам сегодня внушает движение политической корректности, всегда полны субъективных предрассудков. И равнозначные позиции, равнозначные — это позиции, имеющие равный вес.

Таким образом, равнозначные аргументы таковы, что доводы в пользу той или иной позиции не имеют большего веса, чем доводы против неё. Или же доводы в пользу позиции А взаимно компенсируются доводами в пользу позиции В, равный вес, равные аргументы. И поскольку, похоже, так обстоит дело со всем человеческим знанием, Пиррон приходит к выводу, что мы просто не знаем природы вещей.

Его второй вопрос вытекает из этого скептицизма по поводу первого. Каким же должно быть наше отношение к вещам? Наше отношение к реальности? И его ответ? Воздержаться от суждений. В конце концов, зачем вам принимать решение? Воздержитесь от суждений.

А греческий термин «эпохе» использовался для обозначения этой приостановки суждения. Вы обнаружите, что этот термин продолжает использоваться даже в XX веке в феноменологическом движении, в методологическом развитии Европы XX века, которое лежит в основе работы в герменевтической теории таких людей, как Гадамер и другие. Но в любом случае, корни этого современного феноменологического движения лежат в работах человека по имени Эдмунд Гуссерль.

И он говорил об эпохе, о приостановке суждений о природе реальности, чтобы исследовать другие основы. Это скептический термин. Приостановка суждений.

Пирро хотел сказать, что лучше воздержаться от суждений, чем выносить преждевременные суждения. Лучше догматизировать без оснований. Лучше искать и не знать, чем преждевременно догматизировать.

Итак, его третий вопрос: какова ценность такого отношения к реальности? Какова ценность отказа от суждений? Что, по сути, сводится к вопросу: какова ценность быть скептиком? И ценность этого, с его точки зрения, ценность скептицизма, если хотите, заключается в своего рода спокойствии. По крайней мере, именно это слово часто используется в переводе. Я думаю, что лучшим идиомом было бы просто душевное спокойствие.

Чем меньше ты знаешь, тем меньше тебе приходится беспокоиться. Душевное спокойствие. Если неведение — блаженство, то быть мудрым — глупость.

У нас есть свои пословицы, чтобы это выразить. Интересно, что, говоря об этом душевном покое, этом спокойствии, скептики довольно свободно используют грубые синонимы, такие как апатия и атараксия. И, конечно же, апатия была стоическим отношением к свободе от страстей и различий.

Атараксия, эпикурейская ценность свободы от боли в теле и душевных мук, что является еще одним способом сказать «душевный покой», а также «покой тела». Таким образом, в конечном итоге оказывается, что все три эллинистических движения стремятся, с точки зрения ценности, которую они находят в своей позиции, к чему-то очень похожему. В проблемной фрагментации традиций, как вы видите, в эллинистическую эпоху, которая создала видимость единства культуры .

В этом случае, какой настрой поможет? Ну, не волнуйтесь. Душевное спокойствие. И это общее качество для всех.

Теперь, если вы посмотрите на антологию Кауфмана на странице 491, позвольте мне отметить, что Секст предлагает в качестве определения скептицизма. И вы увидите, насколько серьезно воспринимаются подобные вещи. Внизу страницы 491, во второй колонке, в четвертой главе, объясняется, что такое скептицизм.

Скептицизм — это способность, это образ мышления. Понимаете, это не теоретическая позиция. Это скорее установка на всезнание.

Это подход, который противопоставляет внешнему виду любые суждения. Вот ваше суждение, но посмотрите, как всё выглядит для нас. Конфликты.

В результате, благодаря равноправию объектов и разумов, таким образом противопоставленных друг другу, мы сначала приходим в состояние умственного напряжения, откладываемого суждения, а затем в состояние невозмутимости или спокойствия. Мы называем это способностью, не в тонком смысле, а просто в отношении способности иметь невозмутимый ум. Таким образом, это отношение.

Теперь, если бы вы попытались сказать, что скептик, кажется, противоречит сам себе. Скептик знает, что он не знает. Видите ли, этот аргумент о самореферентности стал одним из стандартных возражений против некоторых форм скептицизма.

Нет, пирронический скептик, Пиррон , не стал бы говорить, что он знает, что не знает. Мы не знаем, знаем мы или нет . В этом и заключается двусмысленность.

Мы просто не знаем. И мы не знаем, что не знаем. Мы даже в этом не уверены, понимаете.

Таким образом, они проводили различие между скептицизмом и догматизмом. Можно быть догматичным в отношении незнания, понимаете. Но это также отличало их от другой позиции, о которой говорит Секст, — позиции академиков.

и обычно это называют академическим скептицизмом. Однако академический скептицизм не имел никакого отношения к университетам, потому что таких университетов не существовало. Академия, конечно же, — это название школы, которую Платон основал в Афинах.

А что случилось с академией после его смерти? Первоначально её возглавил человек по имени Спущип, неопифагорейец. Но неопифагорейство не просуществовало долго, и поэтому некоторые представители этой академической традиции стали скептически настроены. И в этом смысле это не совсем чуждо духу Сократа, который во многих диалогах говорил: «Я не знаю, помните?». Так что существует этот академический скептицизм.

И это Имя Карнеада связано с этим. Карнеад также ясно заявляет, что не существует неоспоримого знания, в котором чувственное восприятие было бы относительным. Конечно, Платон говорил нам об этом.

процессы рассуждения должны иметь исходные посылки. И опасность заключается в том, что, пытаясь найти исходную посылку, мы можем зайти в бесконечную регрессию посылок или же оказаться в замкнутом круге рассуждений, — проблеме, на которую указывал Аристотель. Таким образом, процессы рассуждения, умозаключение, не дают нам твердого знания, если у нас нет твердого знания исходных посылок.

Стоики говорили об интуиции, о непреодолимых концепциях, на что скептики, по сути, отвечали: «Извините, мы не находим их непреодолимыми». В конце концов, если кто-то говорит: «Ну, мне это очевидно», самое простое опровержение — сказать: «Извините, мне это не очевидно». И что с того? Возможно, это скорее комментарий к вам самим, чем к тому, что вы считаете очевидным.

Что касается диалектики, то анализ Платоном альтернативных гипотез относительно сущности вещей, возможно, просто выявляет равноправие альтернативных позиций, а не решает вопрос окончательно. Таким образом, Карнеад согласился, что знание невозможно. Но в работах Карнеада достаточно платоновской академической науки, чтобы сказать: знание невозможно, а мнение возможно.

Вера есть. И, говоря об мнении и вере, Карнидес вводит понятие вероятности. Вероятность.

Разумеется, он имеет в виду не современное математическое понятие вероятности. Скорее всего, речь идёт о распространённом значении этого термина. Например, когда вас спрашивают, собираетесь ли вы завтра делать покупки в торговом центре Stratford Centre.

И вы говорите: «Ну, наверное, нет». Это не значит, что вы провели какие-либо расчеты вероятностей. Или статистический анализ всех прошедших суббот, чтобы определить, насколько предсказуемо событие завтра.

Понимаете, ничего подобного здесь нет. Вы просто говорите: «Ну, я точно не знаю, но не думаю, что это так».

Видите ли, это вероятность. Вероятность. Вероятностный подход признает ошибочность высказываемого мнения.

Таким образом, в работах Карнеада мы видим признание, принятие убеждений и мнений, но в фаллибилистском смысле. В фаллибилистском смысле. Поэтому Карнеад сделал бы утверждение.

Да. Признавая, что это может быть ложным. В то время как тот вид знания, к которому стремятся Платон и Аристотель, и который критикуют скептики, — это, как утверждается, знание, которое даже не может быть ложным.

Видите ли, знание складывается в уверенность. Вера — в вероятность.

И осознание того, что это может быть неверно. В знаменитом заявлении Оливера Кромвеля, обращенном к одному из его окружений-догматиков, чувствуется нотка фаллибилизма: «Умоляю вас, господин, ради всего святого, подумайте о том, что вы можете ошибаться».

Понимаете, Оливер Кромвель, как я понимаю, просто признавал ошибочность человеческих суждений. И настаивал на том, что это подобающая человеческая позиция — признавать ошибочность человеческих суждений.

Таким образом, хотя о Карнеаде говорят как о скептике, в древности к нему относились как к скептику, и святой Августин тоже называл его скептиком. Видите ли, по более поздним, современным меркам, Карнеад — это не столько скептик, сколько человек, готовый говорить о знании, как мы это делаем сегодня, как о своего рода оправданной вере.

Видите ли. Это убеждение оправдано, но не бесспорно. Может быть ошибочным.

И так далее. Вот такая картина получается. Сами римские скептики, такие как Секст Эмпирик и некоторые другие его современники, склонны были классифицировать аргументы в пользу скептицизма по различным типам.

Типы аргументации. Они называются способами аргументации, или тропами. Троп — это форма, категория аргументации.

А на странице 494 вы найдете материал, в котором изложены пять типов аргументов. Пять, если быть точным, которые восходят к человеку по имени Агриппа. Другие же предложили десять классификаций.

Агриппа сводит все к пяти пунктам. Пять типов аргументов очень просты. Первый — аргумент, основанный на противоречащих друг другу точках зрения.

Ну, это и есть равнополленс. Второй аргумент — это аргумент от бесконечной регрессии посылок. Он тоже знаком.

В-третьих, аргумент, основанный на относительности явлений. Это тоже классический аргумент. В-четвертых, аргумент, основанный на чрезмерном догматизме людей в отношении своих мнений и гипотез.

Это тоже классический пример. И, в-пятых, аргумент, указывающий на замкнутый круг в выдвигаемом доводе. Подмена тезиса.

Итак, эти пять форм аргументации в пользу скептицизма отнюдь не новы. Видите ли, мы сталкивались со всеми этими критическими замечаниями в тот или иной момент. И в итоге для скептика это сводит на нет всю возможность существования неоспоримого знания.

Не только знание форм и неизменных реальностей. Но и знание причин. Всех четырех видов причин.

Знание математических истин и взаимосвязей. Даже знание законов логики. Понимаете?

Возьмём знаменитое отрицательное доказательство Аристотеля закона непротиворечия. Он называет его отрицательным доказательством, потому что не может доказать его положительно. Отрицательное доказательство — это просто вызов любому, кто попытается отрицать закон непротиворечия, не принимая его за истину.

Они не могут этого сделать. Чтобы сделать какое-либо утверждение, нужно это предположить. Но это не доказывает закон непротиворечия; это просто доказывает ложность отрицания.

Таким образом, возникают все эти критические замечания и скептическая традиция, вытекающая из них. Существуют не только стандартные критические замечания в адрес знания, аргументы в пользу скептицизма, но и всевозможные стандартные аргументы, развившиеся против скептицизма. И мы увидим больше подобного, когда дойдем до святого Августина.

Одно из его первых философских произведений называлось «Против академиков». Однако, имейте в виду именно академическую среду. Читая «Против академиков», не думайте, что он против всех университетских преподавателей и тому подобного.

Он выступает против академических скептиков. Понимаете? И он пытается доказать, например, что даже самый убежденный скептик должен знать о своем существовании, чтобы считать, что он может ошибаться в чем-то.

Даже если вы принимаете фаллибилизм и говорите, что можете ошибаться, то для того, чтобы ошибаться, вы должны существовать. И Августин выражает это в небольшой латинской фразе *si fallor, si fallor, sum, I exist*. Что это вам напоминает? *Descartes, cogito ergo sum*.

Первая версия звучала как *dubito ergo sum*, «Я сомневаюсь, следовательно, я существую». Откуда Декарт это взял? Украл у Августина. Да, так что Августин в этом деле замешан.

Он пытается доказать, что скептики, которые признают, что мы либо знаем, либо не знаем, и зная, что они либо знают, либо не знают, даже если не могут определить, что именно они знают, они познают истину закона непротиворечия. Либо А, либо не А. Поэтому он пытается найти логические истины, которые даже скептик должен признать. И это один из стандартных ответов на скептицизм.

Другой, пожалуй, наиболее традиционный подход заключается в попытке найти ту неуловимую первоначальную посылку. Если платоники используют диалектику, то аристотелианцы пытаются вывести универсальные первопричины из своего опыта существования целого вида. И так продолжалось на протяжении всего Средневековья.

А когда в эпоху Возрождения были поставлены под сомнение платоновские и аристотелевские взгляды, что же сделал Декарт? Он попытался найти первоначальную посылку так же, как математика пытается найти

первоначальную посылку. Аксиомы, на которых строятся математические системы. Самоочевидные истины.

Интуитивно понятно. Таким образом, развитие эпистемологии того, что мы сегодня называем фундаментализмом, которое обычно относят к Декарту, для Декарта было ответом на скептицизм его времени. Но это лишь потому, что скептицизм более ранней эпохи породил подходы к первым посылкам платоновского и аристотелевского характера.

Понимаете ? И то, что всё чаще происходит в эпистемологии со времён Канта, и особенно в последние полвека, во второй половине XX века, — это отказ от фундаментализма, наряду с отказом от скептицизма . И определение некой третьей позиции, своего рода фаллибилистской позиции, которая говорит о знании как об обоснованном истинном убеждении, понимаете? Вместо того чтобы искать знание полной достоверности, отвергать жёсткое разделение платоновской линии и полностью игнорировать разрыв между знанием и убеждением.

Таким образом, знание становится определенным подмножеством веры. Веры. Что ж, вот и все, что осталось от греческого и римского скептицизма .

Есть какие-нибудь комментарии, вопросы? Что-нибудь ещё? Да, Боб. Как можно во что-то верить, если ты действительно в это веришь? Веришь ли ты? Нет, понимаешь, они не используют слово «вера» в твоём религиозном смысле полной преданности. Понимаешь, это другое понимание веры.

Различайте, что в эпистемологии подразумевается вера, а в контексте религиозного или межличностного доверия. Скорее это мнение. Да-да, скорее мнение, да.

Это межличностная вера, понимаете? Когда я говорю о вере в свою жену, я имею в виду, что доверяю ей как человеку, каким я её считаю. Я верю в неё. Когда мы говорим в Апостольском Символе веры: «Я верю в Бога Отца Всемогущего, Творца неба и земли», — говорит архиепископ Кентерберийский Уильям Темпл ещё в сороковые годы, — когда мы исповедуем Символ веры, мы не говорим: «Я согласен с этим, это моё мнение».

Мы имеем в виду совсем не это. Мы имеем в виду, что я обязуюсь жить на этих условиях. Понимаете?

С другой стороны, вера в платоновском понимании — это наличие мнения, которое вы считаете истинным. Что вполне может быть истинным. А может и не быть.

Доказать это невозможно, понимаете. Поэтому в этом смысле вера – это вера без уверенности. Это эпистемический аспект.

Быть готовым что-то подтвердить. Иметь основания для подтверждения. Возможно, какие-то подтверждающие доказательства.

Но без той доказуемой достоверности, которая необходима в математическом доказательстве. Что-то вроде этого. Да.

Да, Джесс. Извини. Ты ожидала, что полиция скажет, что он не доказал существование Бога? Вот что я имею в виду.

Да. В принципе, вы это и имели в виду. Да.

Думаю, настоящий скептик осторожнее отнесся бы к утверждению, что мы не можем знать. Это звучит слишком догматично. Он скорее склоняется к тому, чтобы сказать, что мы не знаем.

И мы не знаем, как это выяснить. Но мы будем продолжать поиски. Понимаете?

Мы не знаем. Знаем ли мы, что не знаем? Нет, мы даже этого точно не знаем. Поэтому мы всё ещё ищем.

Понимаете? Другими словами, каждый раз, когда вы пытаетесь заставить кого-нибудь вроде Пирро ответить: «А, вот что вы знаете», он скажет: «Нет, я этого не знаю. Просто я так считаю на данный момент».

Это, если хотите, мнение. Видите ли, такое различие между знанием и мнением — это простой способ избежать критики для скептика. Ах да, он... Точно.

Да, он это признает. Но если я думаю, что не знаю, то, возможно, я знаю, но не уверена, что знаю наверняка. Что ж, я все еще скептик.

Не знаю. В чем привлекательность этого? Во-первых, логическая привлекательность заключается в проблеме поиска способа узнать наверняка.

Пять видов аргументов против знания наверняка. Видите ли, в этом и заключается логическая аргументация.

Психологическая привлекательность, как мне кажется, заключается в избегании путаницы, возникающей при приверженности определенной сектантской точке зрения и догматизму в мире, где на тебя обрушивается 101 другая точка зрения. Понимаете? И сторонники этих взглядов говорят: «Джесси, как ты можешь

говорить то, что говоришь, когда...» Да ладно, дайте мне немного душевного покоя.

Видите ли, в разгар спора, когда вас загнали в угол, гораздо проще сказать: «Я не знаю». Гораздо проще. Ну, знаете, это упрощение, но я думаю, в этом и заключается психологическая привлекательность.

Обратите внимание, что 200 лет досократовских споров, в которых, казалось, никто ни с кем не соглашался, привели к скептицизму софистов по отношению ко всему этому делу. Развитие греческих философских систем, включая платонизм, аристотелизм, стоицизм и эпикуреизм, представляет собой своего рода демократизм и материализм, видите ли, также привело к определенному отношению. Как же я узнаю, что правильно, если эти ребята не знают? Понимаете ? Скептицизм.

Кто-нибудь из вас когда-нибудь испытывал подобное искушение, когда философия обрушивается на вас, как очередь в кафетерии? Выбираете из 101 возможного ответа на 53 разных вопроса, и вам хочется махнуть рукой, отступить и сказать: «Зачем мне это нужно?» Понимаете ? Вот в чем психологическая привлекательность скептицизма, и это одна из причин, почему я стараюсь не преподавать историю философии как кафетерий. Видите ли, я стараюсь показать, что существует определенный процесс. И мы поговорим об этом подробнее позже .

Но, видите ли, как теист, верящий в божественное провидение в истории, я считаю крайне непоследовательным считать, что история философии лишена смысла, направления и какого-либо осмысленного результата. Понимаете? Если у вас есть христианская философия истории, вам нужна и христианская философия истории философии. Верно? Что ж, сказав это, пожалуй, мне стоит пойти дальше и рассказать вам кое-что ещё.

По сути, мне кажется, что история идей похожа на историю пшеницы. и Плевелы . Они растут вместе. Они растут вместе и смешиваются.

Если вы попытаетесь вырвать слишком много сорняков, вы вырвете и пшеницу. Думаю, это основная аналогия, если хотите. Я хочу сказать следующее : существует, пожалуй, три возможных взгляда на общую структуру истории идей.

Одна из точек зрения, которую я однажды видел и слышал от Фрэнсиса Шаффера, думаю, не здесь, в Уитонском колледже, а в соседнем учебном заведении, где он пришел к примерно такому выводу. Вот Платон разрабатывает свою систему. А потом появляется Аристотель и говорит, что он ошибается, вот что правильно.

Появляются стоики — это неправильно, вот что правильно. Появляются эпикурейцы — это неправильно, вот что правильно. Знаете, и в этом вся история философии — чередой ошибок.

Я думаю, это неверное толкование. Они совершенно не видят взаимосвязей. Они не видят того, что их объединяет, что сохраняется, а что утрачивается.

Видите ? Это атомистическое прочтение истории философии. Я думаю, оно очень ошибочно. Это пессимистический взгляд.

И, честно говоря, у меня нет такого пессимистического взгляда на Божье провидение в истории и в истории человеческого разума. Сейчас же существует чрезмерно оптимистичный взгляд на историю, согласно которому всё развивается в одном направлении, в рамках линейной эволюции. До тех пор, пока не появится истина, вся истина и ничего, кроме истины.

Это тот самый оптимизм, который был характерен для XIX века. Гегель считал свою философию философией, способной положить конец всем философским учениям, так что вся последующая философия будет лишь серией примечаний к Гегелю. И я думаю, что это слишком оптимистичный взгляд на историю и на человеческий интеллект.

Между этими крайностями, и это как разновидность пшеницы и плевел , находится то, что я называю картиной многолинейного развития. То есть, множество философских тенденций, параллельных друг другу. И этот пирог можно разрезать по-разному, но давайте предположим, что у нас есть некоторые виды идеализма, метафизический идеализм, некоторые виды материализма, или натурализма, и некоторые виды теизма.

Если хотите, три разные традиции мировоззрения. И каждая из них сама по себе является плюралистической традицией. Подождите немного.

Каждая из этих традиций является плюралистической. Поэтому в ходе истории возникает множество различных видов идеализма, различных видов философского натурализма, различных видов теизма. В любой момент времени это может происходить по-разному.

В конце концов, в Средневековье существовало как минимум три основные теистические религии. И сегодня тоже. Ислам, иудаизм, христианство.

Не говоря уже о теологических подразделениях каждого из этих направлений. Таким образом, вы можете получить самое разнообразное представление. В каждом случае философия рассматривается с этой общей точки зрения.

В свете этого общего видения вещей. И тот фактор, который помогает влиять на ход истории, — это, например, история науки, где существует последовательность научных моделей.

Модель 1, Модель 2, Модель 3. Модель 1 – греческая наука, пифагорейская, аристотелевская, с акцентом на форму и материю. Знакомо? Видите ли, в этой научной модели она вытесняется научной революцией эпохи Возрождения, и появляется механистическая модель, номер 2. Которая постепенно уступает место в XIX веке более органическим моделям взаимосвязи, теории поля и так далее. Процессные модели.

Таким образом, каждый из этих подходов дает понимание природы, которое фильтруется в рамках этих мировоззренческих традиций. В результате мы получаем идеализм в греческом контексте. Мы получаем идеализм, работающий в рамках механистической модели в эпоху Просвещения.

В XIX веке возник идеализм, но с более эволюционной моделью. И так далее. Аналогичная ситуация наблюдается и в других традициях.

Многолинейное развитие. И из-за общих исходных данных и методологий, связанных с меняющимися научными моделями, возникает множество общих философских вопросов, которые поддерживают диалог и взаимодействие этих традиций. Часто это приводит к общему согласию по определенным вопросам, а часто и к разногласиям.

Таким образом, моя картина истории философии гораздо сложнее, чем просто «это неправильно, это правильно». И гораздо сложнее, чем эволюционная теория XIX века. Пшеница и плевелы растут вместе.

Многолинейное развитие. На следующей неделе я попросил вас прочитать вторую главу книги Гилсона «Дух средневековой философии».

некотором смысле имеет отношение к делу. Потому что книга Гилсона — это «Лекции Гиффорда», которые он читал в 1930-х годах в Шотландии. «Лекции Гиффорда» считаются самыми авторитетными лекциями по религиозной мысли.

И он читал серию лекций по средневековой философии. И ещё до выхода этих лекций в Европе разгорелась дискуссия по вопросу: существует ли христианская философия? Дискуссия была инициирована французским философом Эмилем Брейером, который в французском журнале «Revue de la Métaphysique et de Moral» опубликовал статью, в которой, по сути, утверждал, что если это философия, то это не христианство. Потому что философия нейтральна, а христианство — это приверженность определённым ценностям.

А если это христианство, то это не философия. Брейер был рационалистом-фундаменталистом, который считал, что всё можно доказать. И это вызвало самые разные отклики.

Ответы, в некотором смысле, сохранились до наших дней. Но Гилсон как раз читал лекции Гиффорда и готовил их к публикации, поэтому добавил пару глав в начало. Я прошу вас прочитать одну из этих глав.

В связи с этим он спросил: существует ли христианская философия? Конечно. Их много. Посмотрите на Средневековье.

По сути, он утверждает, что христианская философия — это философия, созданная с христианским замыслом, с христианским пониманием направления. То, что я называю христианской перспективой. Вот и всё.

Да. Философская конференция в этом месяце, в конце месяца, посвящена вкладу средневековой философии в философские проблемы XX века. Понимаете?

Вклад, то есть вклад христианской философии в Средневековье. Обещает быть хорошим. Ага.

Простите. Конечно. Да.

Его бы там не было, если бы не он. Ну, вы спрашиваете о моей эсхатологии. Я премиллениарист.

Я не думаю, что он будет их всех сводить вместе. Знаете, в идеализме, как и в слезах, может быть что-то от марихуаны. Он во всем разберется.

Но тем временем, знаете, собирая то, что у нас есть, мы можем кое-что рассортировать. Знаете, я не хочу высмеивать ваш вопрос, но, если серьезно, ваша теология влияет на вашу философию истории. Если вы спросите меня, чем все закончится, я должен поговорить об эсхатологии.

Видите ли, я рассматриваю тысячелетие как эпоху философского расцвета христианской мысли, какого она никогда прежде не достигала. Да, да. Ну, и да, и нет.

И да, и нет. Многие ли из вас знакомы с этим? Это немного не по теме, но, думаю, это важно. А многие ли из вас знакомы с небольшой книгой Николаса Волтерсторфа о разуме в рамках религии? Никто? Стыдно вам.

Хорошо, она есть в книжном магазине. Она есть в библиотеке. Вы можете прочитать её за час.

Сделайте это. «Николас Волтерсторф», «Разум в рамках религии». Ладно, название книги — пародия на книгу Канта «Религия в рамках разума».

Волтерсторф, «Разум в рамках религии». Хорошо, в перевернутом виде. В своей работе Волтерсторф рассматривает формирование и критику теорий в любой дисциплине.

Формирование теории, критика теории. И указывается, что теория подотчетна в двух отношениях. Она подотчетна тому, что мы называем данными, которые она объясняет.

И это подчиняется другим теориям, другим убеждениям, которые он называет контролируемыми убеждениями. Контролируемыми, потому что они осуществляют определенный контроль над той теорией по другому вопросу, которую мы могли бы разработать. Вы не можете разработать теорию, которая противоречит вашим другим убеждениям.

Таким образом, теории работают именно так. Теории — это не просто эмпирические обобщения, они являются частью целой сети концепций и представлений. Суть в том, что можно представить три различных набора убеждений относительно контроля в контексте трех альтернативных теорий.

Хорошо? И возможно, что с первым набором контрольных убеждений теория один и теория два могут быть идеально совместимы. Интересно, что теория два также может быть совместима с СВ2. Хотя теория три совместима с СВ2, она несовместима с СВ1.

Более того, Т1 может быть совместим с СВ3, наряду с Т3. Таким образом, если вы работаете с СВ1 в рамках своих контролируемых убеждений, ваших христианских контролируемых убеждений, вы можете обнаружить, что придерживаетесь теории, рассматриваете теорию, которая может быть рассмотрена кем-то с совершенно иной точкой зрения. Конечно.

Почему это должно быть проблемой? Дело в том, что христиане соглашаются с другими людьми по некоторым теоретическим вопросам. Мы часто находим общий язык даже по этическим вопросам. Поэтому взаимосвязь между тем, что он называет контролирующим убеждением, а я называю перспективой, взаимосвязь между контролирующим убеждением и теорией не является строго импликационной, так что Т1, и только Т1, и ничто другое не может быть совместимо с СВ1.

Нет. Нет. Разнообразие возможностей.

Если это так, то с точки зрения СВ1, в СВ3 есть чему поучиться. Можно учиться у других. Именно поэтому тот, кто первым заговорил о том, что вся истина — это истина Божья, ещё во времена отцов церкви, сказал, что задача христианина — собирать фрагменты истины, где бы они ни находились, и объединять их в единое целое, из которого они были взяты.

Их можно найти в самых разных местах. То, что Платон это сказал, не значит, что это неправильно, не так ли? То, что Аристотель не был христианином, не значит, что всё, что он говорил, было ложным, не так ли? Очевидно, нет. Теперь подумайте о Божьем провидении в истории в контексте всей концепции общей благодати и благости Бога, благодаря которой солнце светит и на праведных, и на неправедных.

Он зажигает свет в умах людей, как говорит Иоанн в своем первом Евангелии, первой главе. Логос — это свет, который освещает каждого, кто приходит в этот мир. Возможно, в разной степени.

Разные точки зрения. Понятно? Хорошо. Можете вернуться к этому и задать вопросы, оспорить это, разобраться в этом.

На мой взгляд, это одна из самых важных вещей, которые я хочу, чтобы вы усвоили из этого курса. Вы можете забыть о деталях, но если вы не поймете роль христианства в истории мысли, истории чего-либо вообще и истории нашего времени, какой смысл в христианском высшем образовании? И я думаю, что история философии демонстрирует эту закономерность и эту многогранность. Так прекрасно .